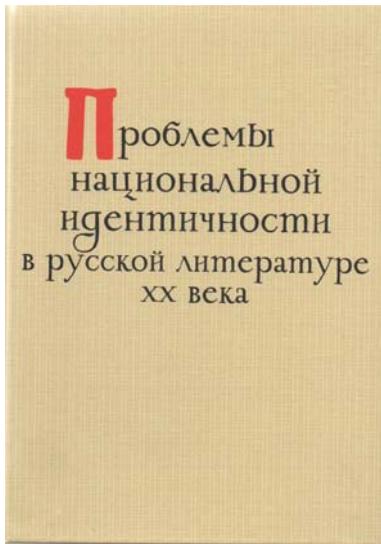

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.17223/19986645/19/14

Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века: Коллективная монография по материалам 2-й интернет-конференции «Русскоязычная литература в контексте славянской культуры: проблемы национальной идентичности» (30 октября – 10 ноября 2009 г.) / науч. ред. Т.Л. Рыбальченко. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 310 с.

Рассматриваются разные аспекты проблемы национальной идентичности в русской литературе XX в.: отражение национальной самоидентификации личности и социума в литературе: проявление национального мировидения в художественном творчестве; культурологическая рефлексия национальной ментальности в культурологии, литературоведении и литературной критике. В условиях глобализации современной культуры проблема национальной идентичности актуальна и как проблема личностной самоориентации, и как проблема социокультурная, и как проблема судьбы национальных литератур в эпоху постмодернистской мультикультурности. Этому был посвящен сборник «Русскоязычная литература в контексте восточнославянской культуры» (2007). Материалы, вошедшие в коллективную монографию, адресованы как филологам-русистам и культурологам, так и всем интересующимся судьбой русской литературы.

Особенностью современных отечественных изысканий в области национального самосознания и его отражений в художественном тексте является, как нетрудно догадаться, поиск методологической парадигмы. Любопытно при этом, что отставание русской литературной науки от близких направлений гуманитарной мысли, таких как социология и историография, является парадоксом: нет нужды доказывать, что в России первоосновой дискурса национального своеобразия явилась именно изящная словесность конца XVIII столетия и наследовавшие ей в XIX в. интеллектуально-эстетические течения славянофилов и западников – также по преимуществу литературные.

Причина сложившейся непростой ситуации видится в сохраняющем своё влияние советском наследии, которое новая Россия, в отличие от большинства своих соседей по бывшей империи, предпочла интериоризировать¹. Данная историческая деформация наложилась на собственно русское прочтение марксизма, которое (вообще говоря, вопреки марксистской догме как таковой) еще с предреволюционных времен включало в себя в высшей степени острую постановку национального вопроса [2. С. 26 и след.]. О нации и национальной культуре советская власть в лице ее вождей Ленина и Сталина

¹ В аспекте литературной преемственности эта тенденция рассмотрена в статье Е. Добренко [1].

думала и писала неустанно [3]. Если на первых порах советский проект был в значительной степени русофобским [4], то с конца 30-х гг. «русское» было реабилитировано и при помощи хорошо известной и прежде неоднократно реализованной стратегии¹ превращено в ресурс новой идеологической легитимации космополитического в прошлом режима², причем литература закономерно предстала в качестве наиболее мощного и отзывчивого источника для концептуализаций национального. В послевоенный период тенденция проявилась в масштабных публикациях, посвященных национальной специфике русской литературы [8, 9]. Представляя до сего дня интерес некоторыми своими положениями и наблюдениями – отметим, в частности, разделы, написанные Е.Н. Купреяновой для изданной ею в соавторстве с Г.П. Макогоненко монографии, – фундаментальную проблему национального содержания культуры эти работы не решали. Дело даже не в том, что они не давали никакого удовлетворительного разъяснения самим понятиям «нация» и «национальное» (представления о нации, к слову сказать, отличаются неопределенностью до сих пор). Их врожденным дефектом была вовлеченность в политический дискурс, представлявший собой обновленную версию коллизии славянофилов и западников. «Русское» рассматривалось как антитеза «западному», как его понятая в эссенциалистском ключе альтернатива.

Эта методологическая доминанта выдержала проверку разноголосицей первых постсоветских лет, в течение которых она обрела главное новшество: в реабилитированном религиозном содержании русской классики XIX и XX вв. стал видеться не предмет, а метод анализа. Классовая конфликтность, основанная на представлении о русской культуре как эгалитаристской антитезе социально разобщенной словесности Запада [9. С. 32; 38–41], была заменена на этно-конфессиональную. Исследовательский дискурс продолжил свое развитие как один из ритмов в политической пульсации, обусловленной изменением роли церковных институтов в постсоветском обществе и желанием власти, а также части интеллектуального сообщества идентифицировать себя с ними [10].

Отрадно, что коллективная монография «Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века», изданная в Томске в 2011 г., сочетает в себе две важные черты: методологическую оснащенность и идеологическую неангажированность. Книга открывается разделом «Методологические аспекты исследования национальной идентичности», необходимость которого является в обсуждаемом контексте бесспорной. Три других последовательно расположенных раздела озаглавлены «Проявление славянской ментальности в художественном мышлении», «Проблема национальной самоидентификации в коллизиях русской прозы», «Проблема национальной идентичности в литературной критике». Рассмотрим вкратце их проблематику.

Авторы методологического вступления, В. Киселев и И. Козлик, посвятившие свои главы соответственно мультикультурализму в литературном измерении и особенностям истории русскоязычной литературы Украины,

¹ На определенном этапе, как отмечал Э. Хобсбаум, все империи полагали необходимым «рядиться в национальные одежды» [5. С. 220–221]. См. также: [6].

² О позднем и одновременно кульминационном этапе процесса существует специальная работа: [7].

делают акцент на теме межкультурных взаимодействий и интерференций в пространстве, как правило некритично воспринимающемся как гомогенное. И если работа В. Киселева является преимущественно теоретическим введением в проблему (с вдумчивым реферированием большого числа зарубежных и отечественных исследований), то И. Козлик привлекает внимание читателя к конкретному примеру – украинской русскоязычной словесности, параметры которой сложно соотносятся с признаками традиционных культурных диаспор. Как конкретный материал И. Козлика, так и теоретическая рефлексия В. Киселева посвящены в основном пограничным явлениям литературы, ее своего рода подсистемам – поэтому дистанцирование исследователей от «больших» нарративов империи и нации является оправданным, хотя критика наиболее знаковых школ и течений в этой области могла быть, как представляется, более полной или, по крайней мере, равномерной. Так, два одинаково объемистых абзаца своей статьи (С. 20–21) В. Киселев адресует и этапной для своего времени монографии С. Лейтон, и дилетантской работе Э. Томпсон, профессиональный уровень которой делает проблематичным само ее обсуждение. При этом дискуссионная, местами провокативная, но, в отличие от опуса Э. Томпсон, так или иначе достойная обстоятельного разговора концепция А. Эткинды, разрабатывающего важную для рецензируемой книги тему внутренней колонизации, безоговорочно, одной строкой характеризуется как неудачная (С. 19. Примеч. 1) и более не упоминается. Примечательно, однако, что один из авторов коллективной монографии, И. Ащеулова, обращается в своей статье о романе М. Шишкина «Записки Ларионова» именно к работе А. Эткинды (С. 190).

Второй раздел книги по сосредоточенной в нем проблематике оказался шире своего названия – «Проявление славянской ментальности в художественном мышлении». Речь в нем идет, собственно, не только о славянских этнокультурных архетипах, вовлеченных в художественные тексты Нового времени (на примере творчества М.А. Булгакова эта тема обсуждается в статьях С. Драчёвой, С. Козловой и Е. Белогуровой), но о русской идентичности как предмете сознательного конструирования, инструментарием которого оказывается общеевропейский «словарь» модернистской культуры (статья М. Хатямовой о книге Н. Берберовой «Бородин»), об акмеизме, любопытным образом «национализированном» одним из представителей младоэмигрантской поэзии (статья О. Дашевской о Вадиме Андрееве), о типологии неомифологизма младописьменных литератур автохтонных народов Севера России, с одной стороны, и писателей-«деревенщиков» – с другой (работа О. Лагуновой о А. Неркаги и В. Распутине). Авторам раздела удалось показать многообразие практик формирования культурной идентичности, неоднозначность и структурную сложность самой ее природы.

Третий композиционный блок носит название «Проблема национальной самоидентификации в коллизиях русской прозы» и включает в себя работы, посвященные художественным репрезентациям смещенной русской идентичности. Причинами видоизменения последней являются эмигрантский контекст, в котором оказался автор; антагонизм к господствующей культурной парадигме и разработка индивидуальной историософии – безотносительно к факту эмиграции; скепсис в отношении локальных мифов национального

пространства. Картиной мира, внутри которой, как показывают исследователи, происходят эти изменения, является постмодернизм в ряде его версий. Из весьма разнообразных стратегий деконструкции национального авторы обращают внимание читателя в первую очередь на дискредитацию *эроса* (общенные сюжеты прозы Виктора Ерофеева анализируются в статье Т. Прохоровой «Трактовка сюжета национальной самоидентификации в романе Вик. Ерофеева “Русская красавица”»), *историзма* (критика романистом М. Шишкиным большой истории «мессианского» типа рассмотрена И. Ащеуловой в работе «Восприятие польского восстания 1830–1831 гг. русским интеллигентом как отражение самоопределения русского человека в истории в романе М. Шишкина “Записки Ларионова” (“Всех ожидает одна ночь”)), *территориальной идентичности* (Т. Рыбальченко в статье «Национальное как тайна архаического и как мистификация в прозе Владислава Отрошенко» анализирует предпринятое этим автором развенчание мифа о казачестве, в частности, через риторику русского «монгольского» номадизма, эссенциальной предпосылки авторитаризма, риторику, использовавшуюся многими авторами от Чаадаева до Бродского [«Путешествие в Стамбул»] и их позднейших эпигонов [М. Эпштейн¹]). Сами по себе эти примеры деконструкции идентичности, травматического стремления избавиться от ее груза (во всех случаях детально и профессионально реконструированные авторами книги) предстают яркими свидетельствами социальных фобий, кризиса ценностей, нарушений общественных диалогов и в итоге – исторической виктимизации как типовых черт современной русской культуры с ее тягой к «негативной идентичности» (Л. Гудков). Эгоцентристские психологические основы такого типа творчества убедительно раскрыты И. Плехановой в работе «В. Сорокин и М. Павич: постмодернистская модель художественной полемики».

В заключительном разделе коллективной монографии, названном «Проблема национальной идентичности в литературной критике», рассматривается схожий материал – деятельность писателей-«деревенщиков» и националистическая идеология последних десятилетий истории СССР в осмыслении польской и консервативной русской критики. Если автор первой статьи раздела, И. Рудзевич, осталась в основном в границах понимания традиционалистской русской словесности как посвященной универсальным нравственным проблемам, то в статье Ю. Говорухиной, заканчивающей всю книгу, дается историко-функциональный анализ концептуального «словаря» журналов «Молодая гвардия» и «Наш современник» 1990-х гг., рупоров отечественного национал-консерватизма, которые из главных видов национализма – этнического и гражданского – отдали предпочтение его «этнической» версии.

Проблема национальной идентичности, многосторонне проанализированная на страницах рецензируемой коллективной монографии, в очередной раз продемонстрировала свою ключевую роль не только для понимания современной русской литературы, но и для вдумчивого осознания механизмов работы российского социума в целом. Современного читателя в этом издании должно привлечь прежде всего разнообразие аналитических подходов и материала, неангажированность и незашоренность самих авторов, их верность

¹ См. его эссе: [11].

идеалам объективного научного исследования. Изданная в Томском университете коллективная монография «Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX века», несомненно, привлечет внимание в междисциплинарном поле исследований, связанных с проблемами империологии, национализма, культурных и этнических идентичностей, литературы как механизма художественных «воображений» историко-социальных и географических реальностей.

Литература

1. *Добренко Е.* Утопии возврата (заметки о (пост)советской культуре и ее несостоявшейся (пост)модернизации) // *Russica Romana*. 2004. Vol. 11. С. 33–44.
2. *Hirsch F.* Empire of Nations. Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Cornell univ. press, 2005.
3. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Cornell univ. press, 2001.
4. *Живов В.М.* Язык и революция. Размышления над старой книгой А.М. Селищева // *Philology.ru*. Русский филологический портал. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/zhivov-05.htm> (дата обращения: 21.02.2012 г.).
5. *Хобсбаум Э.* Век Империи. 1875–1914. Ростов н/Д, 1999.
6. *Живов В.М.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // *Новое литературное обозрение*. 2008. № 91 (3). С. 114–140.
7. *Brudny Y.M.* Reinventing Russia. Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Harvard univ. press, 1998.
8. *Бурсов Б.* Национальное своеобразие русской литературы. М.; Л., 1964.
9. *Купрянова Е.Н., Макогоненко Г.П.* Национальное своеобразие русской литературы. Л., 1976.
10. *Бочаров С.Г.* О религиозной филологии // *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 585–600.
11. *Epstein M.* Russo-Soviet Topoi // *Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space*. Univ. of Washington press, 2003. P. 277–306.

К.В. Анисимов,
д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы
Сибирского федерального университета (г. Красноярск)
E-mail: kianisimov2009@yandex.ru